

РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПИТАНИИ КАК ФОРМЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В РЕЛИГИЮ

Е. В. Шкурова

Белорусский государственный университет, г. Минск

Религиозная среда современного белорусского общества вошла в период качественных трансформаций, о чем свидетельствует стабилизовавшаяся численность религиозных организаций и их последователей. На сегодняшний день специфику белорусского религиозного поля определяет, с одной стороны, светская направленность государственно-конфессиональных отношений, с другой, поликонфессиональность общества. Это закономерно актуализирует вопрос о поиске объяснительных механизмов, позволяющий учитывать такие особенности при построении исследовательских стратегий.

В Республике Беларусь с 2012 г. реализуется проект, в основе которого построение многомерной кросskonфессиональной модели изучения религиозности [1]. Модель строится на принципах универсальности, обеспечивая сопоставимый характер всех элементов – измерений, показателей, переменных – изучения религиозности, и кросskonфессиональности, что делает полученные данные сравнимыми для разных уникальных религиозных традиций, движений, сред.

Исследование религиозности часто связано с изучением форм религиозной активности, причем преимущественно в качестве таковых рассматривается характер совершения религиозных действий: индивидуальных (молитва, медитация и т. п.) и коллективных (участие в различных типах священнослужений). В представленной модели измерение вовлеченности в систему религиозной деятельности, как одно из ключевых для изучения религиозности, включает, помимо показателей индивидуальной и религиозной активности [2], более широкий набор [3]. В частности, речь идет о сводном показателе соблюдения норм религиозного благочестия, который раскрывается в целом наборе форм религиозной активности. Универсальность показателя позволяет самостоятельно представить такие его компоненты, как совершение очистительных обрядов, характер и мотивы соблюдения ограничений в питании. Их особенности связаны с тем, что, будучи нормами религиозных предписаний, проявляют себя они в первую очередь в повседневных практиках.

Характеристики выявлены по результатам республиканского исследования, проведенного во всех областях Беларуси. В результате анкетного опроса опрошено 2723 респондента, из них 2013 представителей традиционных доминирующих конфессий (православие, католицизм), 710 – других конфессий.

Очистительные обряды (ритуалы) представляют собой символические действия, обеспечивающие переход от повседневных состояний к религиозным, исключающим человека из обыденности, т. е. к состояниям полной сосредоточенности на трансцендентных символах и целях исповедуемой религии. В исследовательской модели причастность к ним определялась на основе выявления самого факта (не)совершения таких обрядов, а также того, что именно респонденты рассматривают в качестве очистительных ритуалов.

При ответе на вопрос о (не)совершении очистительных обрядов респонденты разделились на две практически равные группы: 52,8 % ответили, что совершают их, 47,2 % – что нет (табл. 1). Стоит отметить также достаточно высокий процент отказов от ответа (10,5 %). С одной стороны, это говорит об относительно пассивной вовлеченности в религию по данному признаку. С другой, такая несформированность представлений указывает на вариативность трактовок очистительных ритуалов в разных религиях.

Это заметно и в оценке респондентами форм совершения очистительных обрядов. При анализе ответов об очистительных обрядах выявлено следующее. Из тех 38,8 % респондентов, кто в принципе попытался ответить, 70,6 % называют в качестве очистительных ритуалов те или иные коллективные священнослужения. Еще две заметные группы образовали те, кто указал в качестве очистительных практик периоды ограничения в питании, или посты (15,9 %), а также различные духовные практики, или усилия по внутренней концентрации (8,7 %). Можно судить, что понимание респондентами очистительных обрядов отличается достаточно широкой произвольностью, связанной с многообразием их трактовок от конфессии к конфессии. Буквальное понимание смысла очистительных обрядов (как очищения в физическом смысле этого слова) проявилось в незначительной части ответов (1,5 %), упоминающих «очищение стихиями природы» (табл. 1) и имеющих, таким образом, характерную исповедную специфику (относящуюся, скорее всего, к современному язычеству). Такая поверхностная причастность к очистительным религиозным практикам говорит о ее обусловленности скорее формами массовых предпочтений (модой), нежели личной религиозной вовлеченностью.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие физические и/или духовные очистительные обряды Вы совершаете?»**

Пожалуйста, укажите, какие	Частота в % от числа выборов вариантов ответа	Частота в % от числа респондентов
Формы ритуального благочестия (участие в священнослужениях)	70,6	82,2
Ограничения в питании (пост)	15,9	18,5
Духовные практики (усилия по внутренней концентрации с целью достижения измененных состояний сознания)	8,7	10,1
Очищение стихиями природы	1,5	1,7
Физические практики	1,5	1,7
Психофизические практики (которые через физические усилия изменяют сознание, ведут к измененным состояниям сознания)	1,1	1,2
Затрудняюсь ответить	0,8	0,9
<i>Всего</i>	100,0	116,4

Более распространенной формой религиозного благочестия среди опрошенных является соблюдение предписанных традицией *ограничений в питании*. В целом положительно на данный вопрос ответили 82,8 % опрошенных (табл. 2). Несмотря на то что это одна из самых простых практик, совершаемая путем простого отказа от употребления определенных продуктов питания, ее регулярный характер может свидетельствовать о стремлении к соблюдению религиозной самодисциплины. Наиболее распространенной стратегией поведения в отношении соблюдения ограничений в питании служат их периодические попытки: 42 % респондентов практикуют ограничения по возможности. Около трети респондентов (28,1 %) соблюдают посты близко к предписаниям религии, еще 12,7 % – в полном соответствии с предписаниями. Практически не соблю-

дают – 10,8 %. Простота этой практики делает ее широко доступной и за пределами конфессий, в связи с чем она может соблюдаться сочувствующими, ищущими, интересующимися и т. п.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос

Как строго Вы соблюдаете ограничения в питании, которые предписывает Ваша вера (религия)?	Частота	Частота, %
Соблюдаю в полном соответствии с предписаниями религии	341	12,7
Соблюдаю близко к предписаниям религии	752	28,1
Соблюдаю по возможности	1126	42,0
Практически не соблюдаю	289	10,8
Не считаю это необходимым	53	2,0
Для моей религии это не важно	86	3,2
Следую собственным принципам в жизни	10	0,4
Затрудняюсь ответить	23	0,9
<i>Всего</i>	2680	100,0

Простота исполнения данной практики, а также небольшое количество строго соблюдающих ее респондентов может свидетельствовать, что в большинстве случаев она совершается не из религиозных, а общекультурных соображений, как средство приобщения к традиции, самодисциплины, поддержания здорового образа жизни и т. п. Достаточно отметить, что второе место в перечне мотивов соблюдения ограничений в питании занимает полезность для здоровья (18,8 % респондентов). А тот факт, что опрос проводился в религиозной среде, говорит о том, что даже здесь указанная практика носит сравнительно произвольный характер и не до конца осмыслена в ее религиозной сути. Тем не менее большая часть респондентов (68,3 %) суть этих ограничений все же видит в содействии духовному росту (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос

В чем, по-Вашему, смысл ограничений в питании, которые предписывает Ваша вера (религия)?	Частота	Частота, %
Это способствует духовному росту	1714	68,3
В самосовершенствовании	18	0,7
Это предписание моей веры (религии)	44	1,8
Это укрепляет солидарность с единоверцами	76	3,0
Это способствует укреплению здоровья и духовному росту	68	2,7
Это полезно для здоровья	471	18,8
Ограничения в питании отсутствуют или не существенны	9	0,4
Затрудняюсь ответить	111	4,4
<i>Всего</i>	2511	100,0

Данные показатели отражают специфику включения религиозного населения в повседневные религиозные практики, выступающие определенным стандартом религиозной деятельности. И тот факт, что совершение этих практик зачастую не наполнено собственно религиозным смыслом, говорит о том, что религиозная активность для белорусов связана в первую очередь с потребностью в социальном взаимодействии. Нормы религиозного благочестия задают нормативную рамку, обеспечивающую возможность приобщения к общекультурным ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасева, С. Г. Многомерный кросskonфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.
2. Карасева, С. Г. Особенности индивидуальных и коллективных религиозных действий как характеристики степени религиозной активности / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова // Социология. – 2018. – № 2. – С. 67–75.
3. Карасева, С. Г. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Социология. – 2017. – № 2. – С. 103–110.